

РАЗДЕЛ II
ОБРАЗОВАТЕЛЬНАЯ ПОЛИТИКА И ПРОБЛЕМЫ
ОРГАНИЗАЦИИ СИСТЕМЫ ОБРАЗОВАНИЯ

PART II. EDUCATIONAL POLICY AND THE PROBLEMS OF THE
EDUCATIONAL SYSTEM ORGANIZATION

УДК 378 + 001

ГРАЖДАНСКОЕ ОБЩЕСТВО В ДИСКУРСЕ
ОБРАЗОВАТЕЛЬНОЙ ПОЛИТИКИ СОВРЕМЕННОЙ РОССИИ

С. И. Черных, В. И. Паршиков (Новосибирск)

В статье рассматриваются проблемы, связанные с ролью гражданского общества в формировании и развитии образовательной политики современной России. Авторы считают, что те элементы гражданского общества, которые имеются в современной России, оказывают на формирование ее образовательной политики определенное, но явно недостаточное воздействие. Между тем такие «инициаторы» изменений мирового образовательного пространства, как глобализация, информатизация и мультикультурализм, требуют неперемного и эффективного участия гражданского общества в происходящих сегодня реформационных процессах в образовании. Проблема обостряется еще тем, что государство «передает» некоторые функции управления реформами образования именно гражданскому обществу, превращая его, таким образом, в негосударственного и активного субъекта образовательных реформ.

Ключевые слова: гражданское общество, образование, образовательная политика, информатизация, глобализация, субъект образования, мультикультурализм.

© Паршиков В. И., Черных С. И., 2013

Паршиков Владимир Иванович – доктор философских наук, профессор, проректор-директор Института дополнительного профессионального образования, Новосибирский государственный аграрный университет, заместитель директора Научно-исследовательского института философии образования, Новосибирский государственный педагогический университет.

E-mail: parshikovvi@mail.ru

Черных Сергей Иванович – доктор философских наук, доцент, заведующий кафедрой философии, Новосибирский государственный аграрный университет, заместитель директора Научно-исследовательского института философии образования, Новосибирский государственный педагогический университет.

E-mail: 2560380@ngs.ru

CIVIL SOCIETY IN THE DISCOURSE OF THE EDUCATIONAL POLICY OF MODERN RUSSIA

S. I. Chernykh, V. I. Parshikov (Novosibirsk)

In the article there are considered the problems associated with the role of civil society in the formulation and development of the educational policy of modern Russia. The authors believe that the elements of civil society that exist in today's Russia have a certain impact, though insufficient, on the formation of its educational policy. Meanwhile, such "initiators" of changes in the world educational space as globalization, informatization and multiculturalism require indispensable and effective participation of civil society in the reform processes taking place today in education. The problem is exacerbated by the fact that the government has given some of the functions of the education reform management to the civil society, thus transforming it into an active subject of the educational reform.

Key words: *civil society, education, educational policy, information, globalization, the subject of education, multiculturalism.*

«Мне недостает умения в доказательстве того, что высшей функцией правительств должно считать заботу о просвещении народа и его промышленном развитии».

(Д. И. Менделеев)

Проблема участия гражданского общества в реформировании отечественного образования приобретает сегодня особую значимость как с позиций фундаментальной науки, так и с позиций общественной практики. Это происходит под воздействием ряда факторов, определяющими из которых являются три:

– мировая практика развитых стран, в которых гражданское общество уже сложилось и в силу этого существенно влияет на жизнедеятельность основных сфер общества;

– процессы информатизации и глобализации, оказывающие радикальное воздействие (как позитивное, так и негативное) на развитие российского социума;

– не всегда последовательный и потому противоречивый характер тех реформ, которые проводятся в российском социуме, в том числе на российском образовательном пространстве, что порождает индифферентно-безразличное или скептически-негативное отношение к ним.

Российское гражданское общество относится к демократическим странам «третьей волны». Акцентируя этот момент, Джон Дис Патрик (США, университет Индианы) считает, что «...формирование гражданского общества в странах "третьей волны" осложняется рядом проблем, среди которых:

– зависимость от внешних источников финансирования;

– неадекватное распространение информации и коммуникационных технологий;

– низкий уровень социального капитала, необходимого для эффективной деятельности демократических неправительственных организаций;

– этническая и религиозная разрозненность, мешающая людям на местном уровне формировать эффективно действующие ассоциации с представителями разных этнических групп и конфессий;

– недостаточные гарантии конституционных прав, таких, как свобода слова, печати, собраний и ассоциаций.

Эти проблемы, считает он, «вызваны низким уровнем развития конституционализма и правового государства в странах посткоммунистического пространства» [1, с. 165].

Несомненно, данные факторы (в известной, конечно, мере) распространяются на Россию и отражаются на ее развитии. Однако процессы их влияния на формирование образовательной политики (как нам представляется) гораздо сложнее. Это определяется той аксиомой, что гражданское общество формируется снизу, то есть идет от личности как носителя гражданского сознания. Для образовательной политики эта аксиома актуализируется вопросом – способна ли образовательная политика, проводимая сегодня в России, сформировать у личности как ее основного субъекта сознание, которое концентрируется как «гражданское»?

Гражданское сознание как «сознание гражданина» есть не что иное, как результат гражданского же образования. Поэтому второй стороной вышеозначенного вопроса является следующая: имеет ли образовательная политика, проводимая сегодня в России, «гражданскую направленность»? Трактовка «гражданина» как общественного субъекта, «...способного, умеющего и желающего жить в гражданском обществе и правовом государстве», не позволяет утверждать это категорически, поскольку речь идет о «...сознательной личности, сочетающей свободное критическое мышление и автономию с законопослушанием и принятием общественных институтов» [2, с. 167].

Характер образовательных реформ, основное содержание (и в известной мере будущие их результаты) определены сегодня рядом государственных актов, среди которых Закон об образовании в Российской Федерации, который вступает в действие с 1 сентября 2013 г. Значимым для наших дальнейших рассуждений является и проект Государственной программы «Развитие образования на 2013–2030 гг.», который активно обсуждается сегодня общественностью. И в том, и в другом документе подтверждаются ранее сформулированные тезисы о том, что институты образования на рубеже тысячелетий претерпевают значительные изменения, главными среди которых являются следующие:

– образование перестает быть государственным приоритетом и переходит в сферу инициативы и ответственности самого человека и сетевых сообществ;

– получают все большее распространение образовательные технологии, опирающиеся не на государственную образовательную доктрину, а на собственную активность личности как субъекта образовательного процесса (виртуальные технологии дистанционное обучение и т. д.);

– смыслы и ценности, формирование которых ранее было прерогативой образовательных структур (дошкольных, школьных и постшкольных), а также формирование базовых интеллектуальных функций (мышления, понимания, рефлексии, коммуникации и др.) переходят к новым коммуникативно-креативным структурам [3].

Очевидно, эти изменения должны ускорить процесс «исхода» государства как «монополиста» в формировании образовательной политики и активизацию институтов гражданского общества. Однако пока, как справедливо (хотя и едко) заметил О. А. Донских: «...диалог нашего гражданского

общества с Министерством образования и науки выглядит так, что опять невольно вспоминается наш замечательный Козьма: “Некий начальник, осматривая одно воспитательное заведение, зашел, между прочим, и в лазарет. Увидав там больного, спросил его: “Как твоя фамилия?”. Тому же послышалось, что его спрашивают, чем он болен, а потому со стыдливостью отвечал: “Понос, Ваше превосходительство”. – “А! Греческая фамилия?” – заметил начальник. Воистину, одни (гражданское общество) говорят, а “другие не слушают”, но делают вид, “что слышат” (власть в лице Минобрнауки)» [4, с. 211].

Вторая аксиома, на которую опирается в процессе своего формирования гражданское общество, – это его взаимоотношения с государством. Сбалансированность гражданского общества и государства представлена системой, жизнедеятельность и эффективность которой поддерживаются свободными людьми. Поскольку сегодня Россия отстает от развитых стран по динамике развития и доступности таких секторов образования, как раннее развитие, дошкольное образование (образование ребенка до школы, обеспечивающее, с одной стороны, развитие его способностей, а с другой – его успешную социализацию, то есть вхождение в общество, которое осуществляется через образовательные организации и семью), непрерывное образование, неформальное образование и информальное образование, постольку для формирования свободного человека и гражданина остается образовательное пространство, которое актуализируется средней и высшей школой.

Однако в тех целях, которые ставит перед собой государственная политика в области образования, отсутствует цель, зафиксированная как «формирование свободной личности». И в этом расхождение государства (власти) и гражданского общества. Что зафиксировано в целях государства? «Целью государственной программы является: обеспечение соответствия качества российского образования меняющимся запросам населения и перспективным задачам развития российского общества и экономики», – читаем мы в Проекте Государственной программы «Развитие образования» на 2013–2030 гг. [5, с. 23]. Нисколько не сомневаясь в важности и объемности поставленной цели, заметим, что человеческий капитал любого социума, в том числе и российского, – это капитал, который основывается на гражданах этого социума гражданами же. Поэтому «важным условием и средством формирования этого феномена (гражданского общества. – *Авт.*) является особый уровень сознания индивида, коллектива, общества – гражданское сознание. Последнее проявляется в российском обществе пока только в сфере отстаивания личных предпринимательских интересов или прав собственности. Во всех остальных сферах все делается для нивелирования любого начала гражданственности в обществе», – пишут С. А. Марков и Ю. В. Ярмак [6, с. 101]. Между тем (и мы особенно солидарны с этим мнением) «только свободный человек может стать личностью и гражданином, и это высшая цель образования – создать условия для формирования свободной личности» [7, с. 52].

Гражданское сознание может дать только воспитание человека в гражданском обществе. Напомним, что если последовательно проводить тезис, согласно которому гражданин и есть свободный человек, а значит человек, способный к осознанному выбору (то есть автономии) и рефлексии (то есть «свободному критическому мышлению»), то при наличии заинте-

ресованности власти в таком человеке воспитание его как проблема стояла бы на первом месте.

И здесь мы обращаемся к третьей плоскости формирования гражданского общества: гражданское общество и образование настолько взаимно определяют друг друга, что их можно представить как две стороны одной медали (или «две стороны одного листа» – О. А. Донских). С позиций гражданского общества образование должно решать (разумеется, диалектически и на уровне личности) проблему формирования у человека (одновременно! – *Авт.*) автономии и свободного практического мышления, с одной стороны, законопослушания и «принятия» общественных институтов, – с другой. Различие такого рода целей очевидно. Именно поэтому при данной постановке вопроса «во весь рост» встает задача (как мы считаем основной для образования) формирования такой личности, в деятельности которой сочетались бы четыре вышеназванных характеристики.

В настоящее время можно сформулировать (исходя из анализа различных государственных актов и исследований, комментирующих состояние современного российского образовательного пространства) две идеологии реформы образования в России. Н. Л. Румянцева, конкретизируя их, пишет: «Принципиальным положением первой является тезис о вторичности образования по отношению к экономике, второй – о более важной цели образования: формирование развитой личности. Первый взгляд преобладает в мире и соответствует тенденциям развития в нем; второй – пока преобладает в культурной среде России» [8, с. 98].

Соглашаясь с этими тезисами в основном, справедливости ради укажем на то обстоятельство, что после студенческих волнений 2007, 2008, 2010 и 2012 гг. в Евростране (Франция, Италия и другие страны) идеология подчинения образования бизнесу несколько ослабла. На это прямо указывает в своей работе Ю. Давыдов, отмечая, что «единой системой западного образования» (на которую якобы образование российское вынуждено ориентироваться после подписания Болонской конвенции) вовсе никогда не существовало. Пример показывают немцы, у которых в большинстве университетов реализуются две параллельные системы обучения: одна – с классическим дипломом, другая – согласно Болонскому процессу – 3–5–8 (бакалавр – магистр – доктор). И та и другая модель «выводят» обучающегося на уровень габилитации (докторантуры), вовсе не предусмотренной Болонской декларацией [9]. То есть прямое следование рекомендациям Болоньи вовсе не есть догма в определении стратегии развития образования и формирования образовательной политики. Вернемся к вопросу о приоритетности в дилемме «профессионал – свободная личность». По сути, это проблема гуманизации (и, соответственно, гуманитаризации) образования. Кто «более матери-истории ценен?» с позиции перспектив?

В условиях формирования нового технологического уклада, когда социально-антропологический проект Просвещения, целью которого являлся «человек знающий», происходит диверсификация универсума в понятии целей образования. В цене «поднимаются» проективные концепты, такие как «человек компетентный», «человек креативный», «человек-оператор» и т. д. Как видим, основанием этих проектов является вовсе не универсум, определяемый «вечными личностными характеристиками» и свойствами, но «человек функциональный», способный совершать свободный выбор в широком спектре возможностей для самореализации, «организуе-

мых» обществом. Но это Запад. Не факт, что более традиционный Восток, показывающий ныне чудеса в стабильности экономического развития и формирующий для этого свои социально-образовательные антропологические проекты, может оказаться в более гармонизированном векторе развития триады «образование – бизнес – социум». Сильной стороной антропологических практик ислама, а также Китая и Японии является наличие традиционных трансцендентных установок, с одной стороны, и подчиненная прагматичность, – с другой.

Отмирание «заводской модели» образования, замена «пирамидальной схемы организации образования на сетевую» и другие изменения, происходящие в образовании (вслед за экономикой. – *Авт.*) постиндустриальных стран [10], свидетельствуют о достаточно неоспоримом факте, что «новый технологический уклад носит гуманитарный характер». При этом «самой большой отраслью экономики становится здравоохранение, и вместе с образованием и наукой они дают основной спрос на новейшие технологии» [11, с. 3]. Итак, если согласиться с С. Глазевым, чье мнение было изложено выше, то здравоохранение, образование и наука, то есть те сферы общественной жизнедеятельности, которые непосредственно нацелены на личность (здоровье, формирование, творчество), будут основаниями развития социума XXI в. Соответственно этому значимость развитого (или развивающегося. – *Авт.*) гражданского общества с его ассоциативно-личностными институтами будет всячески возрастать, а гражданственность, как личностная позиция, смысл и ценность, актуализироваться. Соответственно этому процессу основной средой «обитания» и «складывания» свободной личности (гражданина) будет не столько экономическое, сколько культурное (социально-культурное), а точнее, образовательно-культурное пространство. Еще Л. С. Выготский, а вслед за ним А. Запесоцкий высказывали идею о том, что в рамках культуроцентрической модели образования образовательное пространство представляется как социально-культурная среда обитания человека, обеспечивающая непрерывность его (то есть человеческого. – *Авт.*) самосовершенствования [12].

Определенная таким образом роль образования, имеющая смыслом и ценностью гражданина (личность), обусловливается совместно как всеобщим характером продукта, который через него передается (социальный опыт как знание); проекцией будущего через настоящее (образы, модели, смыслы бытия); формированием и развитием функций (качеств) индивида, определяющих его бытие в его полноте. Эта роль может реализоваться в том социуме, где закон эффективно защищает право граждан «...вступать в ассоциации во имя общих гражданских целей и формировать группы, отражающие их общие мнения, ценности, интересы и в которых люди могут делать свободный выбор и добровольно брать на себя ответственность на основе своих социальных и гражданских приоритетов» [1, с. 165]. Из этого следует, что государство (власть) и гражданское общество в своей деятельности (относительно личности) функционально должны работать «на одном поле».

Однако реальная практика российского социума демонстрирует несовершенство их взаимных действий в указанном векторе. Выше мы рассуждали о том, что дилемма «профессионал – личность», имманентно присутствующая как тенденция в развитии мирового и российского образовательного пространства, пока не обозначена в своем решении. Сейчас

преобладает концепт идеологического и административного подчинения образования бизнесу, а гуманитарная составляющая образования, как основание реальной демократии (прокламации мы в расчет не берем. – *Авт.*) и инновационной экономики, остается «за бортом» социальных перспектив. Практических подтверждений этому множество, некоторые из них были приведены в тексте. Не следует ли вернуться к эпиграфу статьи и мудрой мысли Д. И. Менделеева и поставить «заботы о просвещении народа» на первое место?

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

1. **Патрик Джон Дж.** Гражданское общество в период третьей волны демократии: его значение для гражданского образования // *Философия образования.* – 2003. – № 8. – С. 164–169.
2. **Жихаревич М. Е.** Проблемы теории гражданского образования // *Философия образования.* – 2003. – № 7. – С. 166–175.
3. **Попов А. А.** *Философия открытого образования: социально-антропологические основания и институционально-технологические возможности* : моногр. – Томск : Бия, 2008. – 279 с.
4. **Донских О. А.** Журавь нашей культуры // *Деградация. Размышления об образовании и его месте в нашей культуре.* – М. : Яблоко, 2013. – 243 с.
5. **Государственная** программа Российской Федерации «Развитие образования» на 2013–2030 гг. – [Электронный ресурс]. – URL: <http://www.s-cool.ru/postt3500.html>
6. **Марков С. А., Ярмак Ю. В.** К проблеме гражданского сознания и гражданского общества в РФ // *Вестн. Рос. филос. об-ва.* – 2009. – № 4 (52). – 240 с.
7. **Донских О. А.** Традиционные ценности и конформизм // *Деградация. Размышления об образовании и его месте в нашей культуре.* – М. : Яблоко, 2013. – С. 50–53.
8. **Румянцева Л. Н.** *Человек развивающийся (Путь к единой культуре): системно-диалектический подход.* – М. : ЛИБРОКОМ, 2009. – 224 с.
9. **Давыдов Ю.** Сколько вузов и студентов нужно России? – [Электронный ресурс]. – URL: http://www.ispu.ru/system/files/Vuz_Vestnik.pdf
10. **Дрейвс Вильям А., Коутс Д.** *Педагогика XXI века.* – Риверс Фоллс, Висконсин, США : Изд-во LERN, 2011. – 207 с.
11. **Глазьев С.** *Мировая война печатных станков* // *Аргументы недели.* – 2012. – № 50 (342). – 27 дек.
12. **Запесоцкий А.** *Образование: философия, культурология, политика.* – М. : Наука, 2002. – 320 с.

Принята редакцией 15.03.2013

УДК 378 + 342 + 316.3/.4 + 316.7

СОВЕРШЕНСТВОВАНИЕ ПРАВОВОГО ПРОСТРАНСТВА КАК УСЛОВИЕ РЕФОРМИРОВАНИЯ ОБРАЗОВАНИЯ: СОЦИАЛЬНО-ФИЛОСОФСКИЙ АНАЛИЗ

О. Б. Кравченко (Новосибирск)

В статье рассматриваются условия реформирования образования, среди которых особое место, как считает автор, занимает правовое обеспечение. Изменения, которые происходят в мировом образовательном пространстве, требуют современной коррекции правового поля, в котором функцио-